

Паломничество в страну Геометрия.

✦...таким ✦more geometrico✦ должен начинаться рассказ✦

Х.Л. Борхес

✦...пойти по песку к синей волне✦

В. Набоков

Искусство Владимира Наседкина восходит к идеографике греческой традиции, к геометрии Евклида, античному ✦черчению✦, никогда не терявшему чувственные тела идей. Ее среда обитания - метапространство, неотделимое от пространства земли, ее топозов, ее строения и пропорций геоландшафта. Треугольники Пифагора, их числовые символы - любимые образы художника - присутствуют в его композициях как знаки стихийных начал и одновременно как ступени духовного опыта. Они вычерчиваются инструментально строго - подобно платоновским ✦фигурам✦ или ✦проунам✦ Эль Лисицкого, их смыслы проступают, не скрывая своих пифагорейских истоков, уточняясь современной культурой рефлексии.

Минимализированная до архетипа, предельно абстрагированная пейзажная модель мироздания Владимира Наседкина угадывается даже в самых, казалось бы, очищенных от предметов конкретики пространственных построениях. Свидетельствуя об идеальном, художник постоянно обращается к земной основе человеческого существования, к теме земной укорененности человеческих судеб. Осваивая повседневное жизненное пространство, он развивает, как говорил Чаадаев, ✦географические факторы русской идеи✦, учитывая не только универсальность национального опыта, но и конкретные почвенные особенности пространства, где он творчески существует в данный момент. Опыт вдумчивого всматривания в свое окружение - ✦окрестность✦ - позволил Владимиру Наседкину отслоить все преходящее, случайное и выявить структурные принципы организации мира и реального физического пространства. При плотности земных ассоциаций внимание художника обострилось к вещи символичности числовых взаимоотношений, последовательностей и рядов пропорций, что и одухотворило ✦географический✦ слой его искусства.

Схемы-идеограммы художника парят, витают и впечатываются в поверхность его произведений, открывая дали геометрической бесконечности, где разбегаются тропы смысла и стягиваются к горизонту пути земные. Местность для Владимира Наседкина не только простор для человеческого поселения, но одновременно личное жилище и дом. Ландшафты в его поэтике, преобразуясь в жилище, становятся средой домашней оседлости, которую можно вымерить до последнего миллиметра подобно измерениям Велимира Хлебникова в его ✦Досках судьбы✦. Композиции художника естественно трансформируются в земную плотность (не случайно Владимир Наседкин использует реальные ✦земные✦ грунты для своей живописи). Они и составляют последний кров человека, что хоронит жизнь и держит обет молчания, многозначительно оберегая тайну своей измеренной запредельности. Но земная поверхность, явленная в живописи художника, не только хоронит, но и сохраняет в своих недрах и в своих ✦числах✦ потенции жизненных энергий. Под ее плотным покровом, в молчаливом грунте основы, возможно, сокрыт залог воскрешения или, быть может, некая иная возможность

обновления Бытия.

Сгушая красочный слой от песчано-глинистых охр до сумеречной непрозрачности землистости, мастер уподобляет плоскость композиции по ее живописному звучанию иконной «поземи» (условной зоны земли, на которой персонажи иконы предостоят вечности). Порой тьма на холсте художника совершенно сгущается до глухой, непроницаемой черной плоскости, воспринимаемой как материальный символ высшей и глубинной сокрытости. В этих технологиях поверхность холста обретает новую таинственную жизнь и универсальные смыслы, в контексте которых способны встречаться культуры различных традиций, языков и их непосредственных проводников, художников. Горизонты К. Малевича и фактуры А. Тапиеса, археологические наслоения А. Кифера и фротаж М. Эрнста, металлическая пыль А. Родченко и песчаные спирали Р. Смитсона - все эти свидетельства реальности нашего физического бытия обнаруживают свое единство в пластических переживаниях В. Наседкина. Они варьируются, тонально сближаясь, уходя в великое черное Ничто.

Элементарная и одновременно многослойная метафизика Знака, открывшаяся в свое время Малевичу, у Владимира Наседкина совпадает с темой земли и ее человеческим обитанием в образе чертежа. Она считается зрением и воспринимается чувством в бинарной структуре двух взаимодополнительных состояний: как герметичная плотная поверхность - предел и как бездонное зияние - прорыв недр. В символике «темного» таким образом открывается не только тема земной основы в евклидовой геометрии, но и запредельная глубина безосновного, пифагорейского и гностического, о которых знали мистики от Я. Бема до Л. Малевича. Высвеченная белизна - противоположное начало - соединяется в геометрических образах В. Наседкина с темой просветления, запредельностью белого в поэтике Б. Пастернака, с его связью со стихиями Урала. Светлое в визуальной философии художника - это знак очищения и предвестник перемен, образ светового преобразования материи и белая проясненность самого лица Земли. Одновременно оно является и символическим образом успокоения, статики и вешего сакрального безмолвия. Символика стихий - Огня, Воздуха, Земли и Воды - связывается в пластике художника с традицией древних фундаментальных культур, с их ритуальным пониманием числа и геометрических принципов всего сущего. Таким же радикальным медиумом между различными измерениями метапространства, проводником между чувством и мыслью, знаком и образом, фактом и символом оказывается линейное начало - чертежная графика, пронизывающая планы и плоскости композиции. Линия художника обратима в многозначии своих перевоплощений, каждое из которых вмещает и заряд информации, весть и импульс идеи. Линия Владимира Наседкина - идеографична. Очерчивая идеальное пространство, деля его или соединяя, она прикрепляет его имя к пространству памяти, пространству воспоминаний, вводя дополнительные контексты, где открывается подлинная экзистенция художника - его личная геометрия Урала, Алтая или Тибета. Идеографика В. Наседкина, по природе своей пограничная между письмом и образом, проступает на поверхности произведения в виде Текста, его магических визуально-смысловых конструкций. Линия

животворит, уточняет и связывает расслоенное пространство нашего неустойчивого бытия, проектируя его новые равновесия.

Воплощенная идея всеединства, открывшаяся В.Наседкину, требует аскетичных, строгих и экологически чистых средств, когда красноречивее всего говорит поэтика умолчания. Художник ведет вдумчивую, неторопливую работу по проявлению скрытого, последовательно изменяя свои методы и технологию. Поэтому каждый период его творчества становится органической ступенью в иерархии канонических геометрических образов, числовых множеств и построений. Эволюция художественного языка В.Наседкина в этой системе координат оказывается не сменой стилистики, а сменой своего рода духовного ракурса, личностной точки зрения на бесконечность великой традиции Геометрии как особого пространства. Путь в этом пространстве манифестирует чертеж, форма абсолютного бескорыстия искусства, как любил повторять В.Набоков, сам совершивший паломничество в страну Геометрия вместе с Землемером Франца Кафки.

Аскетические образы Владимира Наседкина рождаются в его языке непреложно и пронзительно как оклик в ночи, они заклинательны как вещая речь поэта, где учреждается вечное скрещение мира земного с миром осеняющего неба.

Виталий Пацюков,
Frankfurt am Main, 11.10.02